

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

УРОКИ КАРАБАХСКОГО КРИЗИСА

Письмо из Еревана и размышления
московского ученого

ПРОКЛЯТЬЕ СИЛЫ

О магии нашего «оборонного сознания»

ISSN 0320 8001

10/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Актуальная тема

В. ШЕЙНИС. МИР В ДОМЕ

10

Письма в редакцию

М. ОСЬМАКОВ. ТРАДИЦИИ МЕРТВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

19

Читатель — читателю

С. ПЛОТНИКОВА, М. ПОВИЛАЙТИС. ПАТРИОТИЗМ И ГУМАННОСТЬ

22

Наши интервью

Л. ГУМИЛЕВ. НАПОМИНАНИЕ О ВАВИЛОНЕ

24

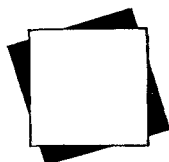
Проблемы и суждения

А. ФАДИН. ПРОКЛЯТЬЕ СИЛЫ

27

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Страх живет в моей душе...» Исповедь одного человека.

«Уважаемая редакция...»

В публикациях на темы мира и войны сентенции об «общности интересов простых людей Востока и Запада» имеют подчас привкус дежурной фразы, не трогающей ни ума, ни сердца. Тем более отраднo, когда почта приносит иностранные письма (как в этой подборке — из Англии и Дании), авторов которых задело за живое то или иное выступление советских читателей «Века». Признаться, таких писем пока меньше, чем хотелось бы. Но лед тронулся...

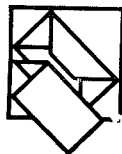
Хватит о столицах!

Я постоянная читательница и пропагандист вашего журнала. Его публикации вызывают большой интерес и активно обсуждаются в разных кругах. Многие мои коллеги — общественеды стали в этом году подписчиками журнала. В газетных киосках купить его невозможно. Знаю даже тех, кто делает ксерокопии с публикаций.

Особенно мне хотелось бы отметить № 6 за этот год. Рубрика «Мы: формалы и неформалы» кажется мне чрезвычайно важной. Дело в том, что возникающее и ширящееся практически во всех регионах нашей страны Движение гражданских инициатив практически не получает освещения в центральной прессе. Редко появляющиеся публикации либо носят откровенно тенденциозный характер, либо невнятные и фрагментарны. Они представляют движение то ли сборищем любителей и металлистов, то ли антисоветчиками, чуть ли не у ЦРУ на зарплате. А представители возникающих в разных городах групп каждый раз начинают с

нуля, многократно повторяя ошибки и заблуждения, проходя по новой те стадии, которых можно было бы избежать, зная они хоть немного о ситуации в стране.

В конце мая у нас в Свердловске прошла встреча — диалог представителей тридцати пяти неформальных объединений области: общественно-политических, творческих и любительских. Организаторами встречи были комсомол и молодые социологи Свердловска. В результате была образована Ассоциация общественных объединений, куда на равных правах с неформальными объединениями входят комсомол и социологи. И сейчас все острее у нас потребность в **подробной** информации о жизни Движения в разных регионах страны. Причем, особенный интерес для нас представляют не столько публикации общего характера (они важны не для нас, а для партийных и комсомольских руководителей — материал Н. Беляевой), а опыт и уроки этого опыта. Именно такова, на мой взгляд, публикация

В. Игрунова «КСИ и другие». Но у нее очень большой недостаток — скороговорка. По-моему, эта первая публикация должна открывать целую серию, которая покажет историю становления, ошибок и побед объединений, причин их консолидации и размежевания. Очень важен был бы аналитический материал по народным фронтам, возникающим повсюду в стране. Предлагаю сделать новую рубрику журнала постоянной. Кроме того, хватит печатать материалы только о столицах! Очень много интересного происходит и в других регионах: в Прибалтике, Омске, Иркутске, да и у нас в Свердловске.

Может быть, имеет смысл журнал, раз уж он всерьез взялся за эту тему, устроить большой круглый стол региональных культурно-демократических сил?

И эта тема совпадает с основной линией журнала, наметившейся в последнее время — ведь в этом случае речь идет тоже о мире, когда мир — это общность людей, объединенных на основе признания их различий.

Галина ВОХМЕНЦЕВА,
преподаватель философского
факультета Уральского
государственного
университета,
г. Свердловск.

В ядерной войне мы все беззащитны

Дорогие товарищи, в журнале «Век XX и мир» (№ 5/88), я с интересом прочитал письмо моего друга Евгения Залиховского «На карте — наша жизнь». Я разделяю его мнение о гражданской обороне, так как те же проблемы стоят перед моей страной.

Во время службы в армии в 50-х годах меня обучали приемам, как выжить при атомной атаке. Во время Второй мировой войны я пережил бомбардировки моего родного города, нам показывали фильм о разрушении японских городов Хиросимы и Нагасаки, поэтому я уже тогда сомневался в правдивости советов моих инструкторов.

После армии я увидел в моем городе громадные специальные бомбоубежища, но они предназначались не для рядовых граждан.

Затем я побывал в нескольких атомных убежищах, слушал выступления так называемых экспертов, читал литературу, изданную правительственными ведомствами по вопросам, как выжить в ядерную войну. Естественно, вопрос о гражданской обо-

роне для одних кажется важным, для других — нет.

Что касается количества накопленного ядерного оружия на нашей планете — для населения Англии безразлично, имеем ли мы его или нет: наша гражданская оборона будет не в состоянии защитить нас в ядерной войне.

Путь к спасению планеты не легок, но мы должны его пройти — это наш долг перед будущими поколениями. Если мы все вместе пойдем по пути к всеобщему миру, дети будущего забудут слово «война».

Мы благодарны СССР за его политику, которая привела к Рейкьявскому и к соглашениям, являющимся началом ядерного разоружения.

Надеюсь, что придет время, когда людям не нужна будет гражданская оборона, а сейчас требуются люди долга любой национальности, которые способны усилить движение за мир. Эта задача всех людей.

С уважением
Грэхэм БУЛ,
Великобритания.

Предлагаю адреса для переписки

Простые люди, не принимающие государственных решений, могут кое-что сделать для распространения нового мышления. Но работа эта должна идти не только в плане рассуждений и дискуссий, но что, как мне кажется, наиболее важно, и в плане **практических действий**. Под этим я понимаю активный поиск и распространение контактов с гражданами других стран, в частности, контактов по переписке. Дружеская переписка — это один из наилучших путей для понимания друг друга, ломки старых замшелых стереотипов и выработки нового мышления, особенно у молодежи. Ведь вся надежда, что ни говорите, на молодежь. У старшего поколения многие предрассудки слишком крепко укоренились в сознании, что подтверждается и письмами, приводимыми в вашем журнале. Да и души ряда молодых людей подвержены этой коррозии, имя которой — нетерпимость.

К сожалению, я не знаю у нас в стране ни одного издания, которое публиковало бы адреса иностранцев, желающих найти друзей по переписке в Советском Союзе. А ведь таких желающих очень много, и особенно их число увеличилось в последнее время в связи с позитивными переменами, происходящими в нашей стране. Бесспорно также, что интерес к подобным контактам в нашей стране не менее, а может, и более велик.

Чтобы положить начало этому, с моей точки зрения важному делу, предлагаю список адресов молодых (и не очень молодых) людей из ФРГ, каждый из которых страстно желает найти друзей по переписке в Советском Союзе. Все они, кроме родного, владеют и английским языком.

GERD DEMMER

Hermelinstr. 54, 5650 SOLINGEN 1, BRD
34 года, хобби теннис, путешествия

TANJA TALACA

Meisenweg 13, 7030 BÖBLINGEN, BRD
19 лет, хобби спорт, музыка, животные, история России

EVA KUNING-SCHORN

Ophansen 100, 5203 MUNH, BRD
50 лет, хобби: музыка, живопись, литература, путешествия

ANDREAS MÖLLER

Postfach 320207, 4300 ESSEN 15, BRD
43 года, журналист, интересуется Сибирью

JUTTA NATSCHKE

Lietthstr. 9, 3450 HOLZMINDEN, BRD
18 лет, хобби. переписка, музыка и др.

Кроме вышеприведенных, могу предоставить еще около двадцати адресов. Надеюсь, что моя инициатива найдет отклик и понимание в вашем замечательном журнале. Желаю вам дальнейших успехов.

Владимир МАЛЫШЕВ,
г. Новосибирск.

Партнеры для диалога

Статья Бориса Кагарлицкого «Записки английского путешественника» (№ 5/88) заканчивается очень интересными словами: борьба, которая сейчас происходит в СССР, дает величайший шанс для движений за мир и левым в Западной Европе.

Думаю, в этом отношении Б. Кагарлицкий прав, но для западных движений за мир историческое значение

«гласности» и «перестройки» выходит за рамки «социализм» или «капитализм». Мне кажется, «гласность» и «перестройка» в СССР дают движениям за мир Запада то, что уже дали «солидарность» в Польше и «Хартия-77» в Чехословакии — партнеров для диалога, в котором мы будем выступать на равных, то есть как граждане, лояльные не к Западу или

Востоку, а к борьбе за разрешение наших общих вопросов. В этом диалоге никто не будет иметь монополии на правду. Наша общая обязанность — оказывать влияние на лиц, облеченных властью на Западе и Востоке, только одной силой, которая у нас есть, — силой убеждения, и которую мы можем выработать только сообща.

Как и Иоган Хофман из Галле

(ГДР), я нахожусь под сильным впечатлением статей вашего журнала, так как они отражают вопросы нашего движения за мир. Подобно Хофману я надеюсь, в частности, что вы продолжите публикацию статей Людмилы Сараскиной.

С наилучшими пожеланиями
Троэлс Тофткэр,
Дания.

«Дельта»: региональная акция ученых

Начавшийся в нашей стране процесс знаменует начало становления ноосферы — сферы разума, задача которой обеспечить мудрое и человечное решение основных проблем современности. Существующие формы решения этих проблем уже не устраивают общество, нужны новые структуры. Такой структурой, по нашему убеждению, должен стать **НООСФЕРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК** — полигон для решения неразрывно связанных друг с другом задач охраны историко-культурных памятников, биологических сообществ и здоровья человека. Инициатива в этом направлении проявлена в работах группы ученых Северокавказского научного центра и сотрудников Музея-заповедника «ТАНАИС».

Дельта реки Дон представляет собой прекраснейший и неповторимый комплекс природных и историко-культурных сокровищ. На территории порядка 340 кв. км сосредоточены уникальные биогеоценозы: пойменные луга, степи, острова, где обитают редкие породы рыб, раки, управляемые на экспорт, разнообразные птицы и звери. На этой же территории находятся интереснейшие памятники культуры, начиная со стоянок палеолитического человека в Каменной балке, греко-варварские городища в Танаисе и поселениях его округа, степные курганы, хранящие скифские клады, памятники петровской эпохи и более поздних вре-

мен, памятники и могилы погибших в гражданскую и Отечественную войны. Для ученых этот неповторимый район представляет выходящую далеко за пределы региональных задач возможность проследить закономерности становления взаимодействия человека и природы с древнейших времен до наших дней.

Экологическая обстановка в дельте Дона в настоящее время вызывает большую тревогу, равно как и отношение к памятникам культуры. Неразумное ведение хозяйства двумя десятками различных ведомств уже поставило дельту на грань катастрофы. С целью спасения дельты Дона, сохранения ее природы, памятников культуры и охраны здоровья людей в 1986 году была создана рабочая группа, обосновавшая и утвердившая программу «Дельта». В начале 1988 года на ее основе начала работу комиссия, включающая ученых различных профилей, при ростовском облисполкоме.

Работа, начатая по программе «Дельта», является зародышем нового, ноосферного подхода к задачам взаимодействия человека и природы, и может стать ядром для развития этого подхода в более широком масштабе. Формирование ноосферы, разумная регуляция процессов на земном шаре, предсказанная в работах выдающихся ученых — В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, П. Тейяра де Шардена — это реаль-

ная задача нашего времени, предмет миротворческой работы, трудной, многообразной и совершенно необходимой. Становление ноосферы перестает быть чисто академическим вопросом, превращаясь в важнейшее общее дело наших дней.

Мы обращаемся ко всем заинтересованным научным, общественным, культурным организациям и энтузиастам с предложением включить в работу по созданию ноосферно-

го заповедника. Будем рады установить контакты с учеными других стран, работающими в этом направлении, понимающими значение этого подхода для решения глобальных задач современности.

Адрес для переписки: 344091, Ростов-на-Дону, Коммунистический пр. 28/1, кв. 28 Режабеку Борису Георгиевичу.
Телефон: 22-38-55, 22-42-91.

Почему я ушел в кооператив

Я заведовал лабораторией в НИИ теплоэнергетического приборостроения в течение десяти лет, имею ученую степень кандидата технических наук, восемь изобретений (из них четыре внедренных), более сорока научных трудов, награжден бронзовой медалью ВДНХ. Но сегодня я просто кооператор. Почему я ушел в кооператив?

Около двух лет назад мне было предложено оформить допуск к секретным (закрытым) работам. Мотивация этого предложения выглядела следующим образом: дирекция нашего института считает, что все заведующие лабораториями должны иметь такой допуск.

В нашем отделе нет ни одной «закрытой» темы, за все годы работы в институте у меня ни разу не возникало необходимости ознакомиться с каким-либо секретным документом, однако я оформил требуемый допуск, т. к. знал, чем кончается в нашем институте конфронтация с дирекцией. Оформляя допуск, я брал на себя обязательство не иметь внеслужебных контактов с иностранцами, а если такие контакты все же имели место,— ставить об этом в известность администрацию. Такое обязательство унижительно для любого человека, вне зависимости от того, допущен он к секретным работам или нет. Из-за этого обязательства советские люди роняют престиж своей страны в служебных заграникомандировках и туристиче-

ских поездках, при посещении международных выставок, спортивных соревнований и фестивалей.

Прошло два года, и мне предложили переоформить допуск. За эти два года я на многое стал смотреть другими глазами, произошел перелом в общественном правосознании,— и я отказался подписать документ, содержание которого и ранее казалось мне унижительным. Дирекция предложила мне подать заявление об уходе по собственному желанию, я отказался... В это время в институте шла внеочередная аттестация, и трудовой коллектив отдела тайным голосованием уже утвердил характеристику, подтверждающую мое соответствие должности заведующего лабораторией. Однако, директор (не являющийся членом аттестационной комиссии) внес предложение считать меня соответствующим... должности инженера,— и предложение было единогласно принято!

Все было предельно цинично. Ни кому и в голову не пришло обсуждать мою научную компетентность. Вместо этого обсуждалось мое «политическое» лицо. Более того, тут же была организована срочная проверка на лояльность сотрудников моей лаборатории: всех их заставили оформить допуск. Не все подписали этот документ сразу. Не сдались один, сегодня он уже подал заявление об уходе по собственному желанию. Нескольких человек, подписавших документ, также ищут себе дру-

гую работу... Я ее уже нашел, став членом научно-технического кооператива «Перспектива», негосударственной исследовательской структуры. Остался ли у меня другой путь?

Основной задачей нашей экономики является разработка новой продукции на уровне (и выше) мировых стандартов. Думаю, что эта задача не сможет быть выполнена при жесткой, не оговоренной законом регламентации отношений между людьми разных стран.

Безусловно, государства имеют свои секреты, но что является государственным секретом, и кто должен (и может) иметь доступ к этим секретам, пора четко оговорить законом, а не определять секретным документом, рожденным в таинственных недрах не менее таинственных органов. И я ушел работать туда, где нет ни государства, ни его тайн.

Дмитрий ФРЕНКЕЛЬ,
г. Москва.

Что мы оставляем детям?

Посылаю вам очень интересную, на мой взгляд, статью. Она была напечатана в одном ежемесячнике, который мне переслал доктор Роберт Боумэн, полковник ВВС США в отставке. Сейчас доктор Боумэн участвует в кампаниях за мир, против звездных войн. Я слышала его выступление два года назад, и оно произвело на меня очень сильное впечатление. Он замечательный человек.

Искренне ваша

Анна ФЛЕМИНГ, США

P. S. Мне очень нравится ваш журнал.

Я человек дел, а не слов, военный человек. И я хорошо понимаю разницу между достижимой целью и видениями картин далекого будущего.

Нашему поколению, возможно, и не удастся добиться прочного мира на долгий срок. Возможно, этим придется заниматься нашим детям. Но мы можем оставить им — как минимум — такую планету, на которой не будут разрабатываться или создаваться **новые** виды оружия, а уже накопленные запасы будут уничтожаться — процесс, начало которому уже положено.

Возможно, мы не сможем добиться повсеместного признания законов международного права. Но по крайней мере, в будущем мире наших детей великие державы уже не будут открыто игнорировать Международный суд и четко выраженную волю Объединенных Наций.

Возможно, мы не сможем обеспечить всеобщую безопасность на основе озачленности всех жителей планеты ее судьбой. Но мы сможем хотя бы добиться взаимной безопасности на основе признания нашей взаимозависимости

и взаимозависимости и общих интересов национального выживания.

Возможно, мы не станем друзьями с Советским Союзом настолько, что утрашение будет излишним, а доверие не потребует контроля. Но мы сможем, по крайней мере, избавиться от демона стереотипов, ненависти, беспричинной боязни; мы достигнем взаимного уважения на основе понимания и реализма.

Возможно, экологическая угроза для планеты сохранится и в будущем. Но она не будет расти, ситуация не будет ухудшаться под влиянием миллионов тонн токсичных и радиоактивных отходов и других загрязнителей. И мы сможем начать совместные международные экологические проекты, чтобы найти решения этой проблемы.

Возможно, нам не удастся даже приблизиться к полному искоренению несправедливости, чтобы Мир гармонии — мир, в истинном значении этого слова, мир, основанный на справедливости, действительно воцарился на земле. Но мы можем для начала обуздать мощные экономические круги нашей страны, которые служат постоянным источником

и детонатором несправедливости, как внутри нашей страны, так и во вне ее, в странах третьего мира.

Мы можем прекратить насаждать и поддерживать ультраправых диктаторов, угнетающих свои народы с целью собственного обогащения и обогащения наших многонациональных корпораций. И мы можем уже сейчас тратить хотя бы часть от тех долларов, которые тратятся на решение социальных проблем, на введение нового экономического порядка с тем, чтобы жители стран третьего мира из жертв и террористов превратились в наших друзей и торговых партнеров.

Да, наше поколение не узнаёт Мира гармонии. Но все же мы очень многое можем сделать во имя его. Мы можем прекратить гонку вооружений, сократить ядерные испытания и производство плутония, укрепить международные законы, добиться взаимной безопасности, отказаться от образа «империи зла», начать реальные действия по спасению окружающей среды, начать борьбу против несправедливости, которая лежит в основе любого насилия.

Но работая во имя достижения этих практических задач, мы не должны за-

бывать и о более высоких целях, пока, увы,— не достижимых. Как бы ни были велики наши конкретные достижения, следует помнить, что не в них наша цель. Мартин Лютер Кинг многого достиг, но все его успехи в повседневной деятельности были ничто по сравнению с его главной жизненной задачей.

«Я видел сон,—повторял он,— мне снилось, что я на вершине большой горы и вижу то, что там, за горой».

И вот наша задача. Мы можем, мы должны оставить своим детям более безопасный мир, в котором будет меньше страхов, меньше ненависти, меньше несправедливости. Этот мир будет еще далек от совершенства. Но не стоит стыдиться незаконченности и неполноты наших результатов, потому что мы, помимо всего, укажем им путь, по которому идти.

Мы оставим им мирную планету, но это еще не самоцель, а лишь средство пройти по этому пути до конца.

А главное, что мы завещаем своим детям,— долгая работа за воплощение в жизнь Мира гармонии.

**Роберт БОУМЭН,
США.**

ВЗРЫВЫ ПОД АПЛОДИСМЕНТЫ

О казахском поселке Сарыозеке до 1 августа этого года знали лишь местные жители, читатели знаменитого романа Чингиза Айтматова «Буранный полустанок», да узкий круг военных специалистов. Это был объект сугубо секретный.

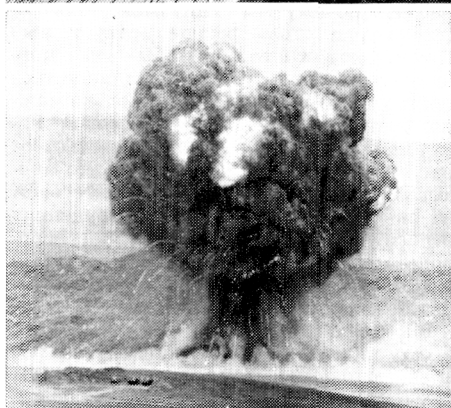
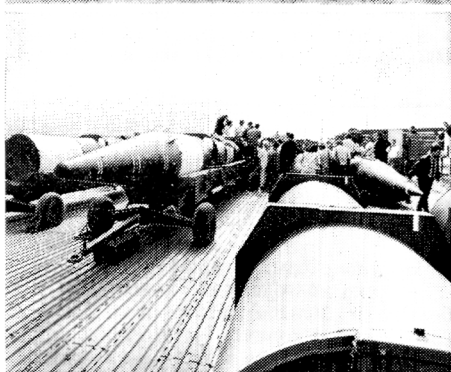
Гордостью местных ракетчиков был освоенный ими комплекс ракет меньшей дальности ОТР-22, именуемый на Западе СС-12. И вот настал день, когда была уничтожена первая связка из четырех ракет. С 1 августа началось выполнение советско-американского Договора по ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

На место ликвидации первых ракет приехали группа американских и западноевропейских инспекторов, журналисты многих стран мира, а также десятки советских и зарубежных гостей — делегация Советского комитета защиты мира, представители антивоенных организаций и движений из 17 стран.

Взрыв четырех ракет состоялся точно по намеченному графику. Сначала в небо взвился огненный шар, затем до наблюдательного пункта (а он находился в трех километрах от места взрыва) докатился громоподобный звук. Через несколько секунд раздался еще один взрыв... Взрыв аплодисментов всех присутствующих на полигоне.

Эстафету ликвидации ракет на советских секретных полигонах после Сарыозека подхватил поселок Станково, под Минском. Здесь приступили к ликвидации пусковых установок и транспортных средств ракет. Одновременно в заводских условиях началось изъятие части ракетной аппаратуры и устройства. Затем наступила очередь первых ракет РСД-10, на Западе именуемых СС-20 (методом пуска они были уничтожены под городом Чита). А на ракетном комплексе Капустин Яр под Астраханью, в конце августа, в присутствии делегации Организации Объединенных Наций приговор был вынесен новой партией ракет этого типа.

На снимках: ликвидация ракет в Сарыозеке.

Мир в доме

Уроки карабахского кризиса

Виктор ШЕЙНИС,
доктор экономических наук

Осознанию реальности — а следовательно, и выбору верной линии социального поведения нередко мешают мифы. Один из них, глубоко проникший не только в быденное, но и научное сознание: кризисы — удел капитализма, при социализме их быть не может. События в государствах Восточной Европы поколебали это представление, но не перечеркнули его. И жесткие слова о предрезисной ситуации, произнесенные на Пленуме ЦК в январе 1987 года, восприняты нашим общест-

вом, на мой взгляд, без полного осознания опасности.

Действительно, близость кризиса преопределила поворот, призванный увести наше общество от опасной грани, к которой оно приближалось до 1985 года. Но едва ли разумно считать, что перестройка будет идти по заранее выверенному графику.

Длительный период стабильности политической системы, когда единственной движущей силой исторического про-

Братство и справедливость

Письмо из Еревана

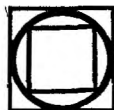
Что происходит с нами?

Вот уже полгода, как единое «мы» все больше и больше дробится на «мы» и «вы», «мы» и «они». То, что происходит с нами сегодня, не может не волновать нас. Но почему мы волнуемся столь по-разному, и столь разное волнует нас? Почему вместо того, чтобы — не проникнуться, нет, — хотя бы попытаться понять наши чувства, вы, насколько можно судить по средствам массовой информации, предпочли отмежеваться от нас, и мы читаем и слышим только призывы: успокойтесь и не волнуйтесь! А на равнодушных нотациях и поучениях относительно недовыведенных яиц, недопоставленных конденсаторов и счастливых смешанных браков я уж и не считаю нужным останавливаться.

В февральские дни на многих плакатах было начертано: «Нет братства без справедливости». Куда делись эти плакаты? Восьмого марта, когда тысячи и

тысячи людей поднимались к памятнику жертвам геноцида 1915 года, чтобы почтить память жертв Сумгаита, я видел уже другие плакаты: «Братство доказывают делом, а не кровью». Где сейчас и эти плакаты? Сейчас на митингах я пытаюсь найти плакат со словом «братство» — и не нахожу. И вовсе не потому, что понятие это стало чуждым армянам. Нет, дело не в понятии, а в слове, которое вновь, как и в годы застоя, перекочевало в резолюции и передовицы. А в феврале нам казалось, что слово это обрело новую жизнь. Неужели только казалось?

Проблема, волнующая нас и взбудоражившая всю страну, — проблема Нагорного Карабаха, все население которого 180 тысяч человек, без труда уместилось бы на одной площади во время митинга (в Ереване бывали митинги и многочисленнее). Решение этой проблемы требует справедливости, а не конъюнктурных соображений и укоренившейся при-

цесса казался календарь, а заметными вехами — торжественные государственные юбилеи и похороны, сформировал вредные стереотипы общественного сознания.

Мы все еще не приспособили свои представления к иному темпу времени, к быстрой смене декораций и действующих лиц. Мы все еще исходим из того, что в запасе — если не вечность, то изрядный срок, в течение которого можно спокойно обмениваться мнениями, постепенно расширять зоны гласности, переналаживать экономический механизм, отрабатывать систему юридических гарантий, экспериментировать с выборными процедурами, вести переговоры о разоружении, которое в перспективе даст резервы для повышения благосостояния и т. д. Наибольшей опасностью многие сторонники перестройки считают урезанный, консервативный вариант реформы.

Я рад был бы ошибиться — поскольку постепенные преобразования часто оказываются прочнее тех, которые приходится импровизировать под давлением обстоятельств, — но боюсь, что времени на эксперименты уже не осталось. Оно не только съедено годами зстоя. Оно поджигается и с другой стороны: вспыхнувшими, но еще не реализованными надеждами, которые возбудила перестройка, ожиданиями ее плодов. Недавно нам напомнили, что от черного наброска В. И. Ленина о переходе от продрозвертки к продналогу до его доклада на X съезде партии, утвердившем коренной социальный поворот, прошло всего 5 недель! («Коммунист», 1988, № 7, с. 37) Современные общественные структуры значительно более инерционны, и это чревато серьезными опасностями.

На необратимость перестройки работает сама перестройка — гласностью,

ПОЧТА РЕДАКТОРА

вычки решать, ничего не меняя. Такая привычка крайне опасна, в том числе и для тех, кто ее разделяет. Те, кто желал замаять проблему Карабаха, вынуждены были замолчать и Сумгаит. В результате проблема стала сегодня куда острее и болезненней, а для многих приобрела еще и совершенно недопустимый поворот кто кого? Армения — Азербайджан, или Азербайджан — Армению?..

Русская интеллигенция, за редчайшим исключением, устранилась от проблемы Карабаха: не мы, мол, ее создали, не нам и решать! Между тем, именно интеллигенция, с ее умением избегать готовых штампов и искать нестандартные решения, должна была помочь руководству выработать нечто более конструктивное, нежели пресловутое «кто кого». Зато сейчас уже не только перед руководством, но и перед всей страной встала проблема куда более масштабная: проблема Армении. Тот самый «армянский вопрос», один из ключевых вопросов европейской политики и дипломатии XIX века...

Что помешало в XX веке, под грудами непогребенных тел навсегда погresti

армянский вопрос? Не только приобретенный армянами за долгие годы бедствий инстинкт выживания. Но и голос общечеловечности, в том числе — русского общественного мнения. Еще в 1895 году русская интеллигенция, потрясенная ужасами первой, казавшейся тогда чем-то неслыханным, резни армян, решительно выступила в их поддержку. Не многое было в ее силах, но она сделала все, что могла, «Братская помощь армянам» — так назывался изданный с благотворительной целью сборник, в создании которого приняли участие все ведущие русские писатели, поэты и публицисты. И в исторической памяти армян запечатлелась эта книга, а не депеша министра иностранных дел, озлобленные небыллицы бездарного, но сановного поэта Великого или же распоряжения наместника Кавказа князя Голицына о высылке беженцев в Сибирь.

Так неужели сейчас единственное, что станет достоянием истории, — только письма, которые мы получаем от знакомых и незнакомых и которые возвращаются из всех редакций с отпиской: «Разделяем Ваши чувства, но опублико-

раскрепощением сознания, развитием общественной активности и инициативы также и в тех заповедниках, которые неукоснительно блюла административно-командная система. Было бы, однако, опасной иллюзией считать, что единственная наша забота — сломать механизм торможения. На его основе монтируется и другой, еще более опасный механизм реставрации. Конечно, в прямом виде история никогда не повторяется, а возврата к застою или кровавому разгулу террора не хочет никто. Но изменение неустойчивого пока политического баланса — а силы реставрации всячески подталкивают вещи именно в эту сторону — может переключить наечаемые ныне ориентиры и повести к далеко идущим последствиям, ибо логика борьбы сильнее логики первоначальных человеческих намерений. Некатастрофической альтернативы последовательному проведению перестройки нет. Безопасность перестройки неразрывно связана с миром в нашем многонациональном государстве.

Карабахские события обозначили самый глубокий политический кризис в ходе самой перестройки, из которого необходимо извлечь уроки.

вать не можем». Или же просто не возвращаются. Так или иначе, но эти письма доходят до нас. Мы благодарны их авторам, мы черпаем из них то, чего нам сегодня так не хватает, — надежду и веру в справедливость.

«Тем более личное отношение вызвали у меня известия о последовавшей резне и погромах в Сумгаите и других городах Азербайджана — к чувствам боли, горячи и солидарности с армянским народом подмешивалось странное, труднообъяснимое, но тем не менее отчетливое ощущение своей вины. Ведь каждый, кто не вмешивается в ход таких событий, невольно оказывается соучастником и должен, по крайней мере, нести моральную ответственность», — писал из Таллина 15 марта историк Михаил Лотман. Он нашел возможность сделать свою скорбь и боль достоянием не только своими, но и своих соотечественников, подготовив

Самый очевидный из них: любую ситуацию легче взять под контроль до того, как она обострилась. Между тем, в национальной политике уже не первый раз обнаружилось неумение своевременно замечать нарастание кризисной ситуации. Убеждение в том, что явления нет, пока мы его не признали, вполне соответствует стереотипам прежнего политического мышления и поведения, но необъяснимо в условиях расчета с догмами. Еще труднее объяснить бездействие в центре и на местах, когда конфликт уже вышел наружу. Ожидание, что все уладится само собой, что натиск ослабеет, когда усталость возьмет свое, вело к потере, а не выигрышу времени. Ситуация в Закавказье в течение всей первой половины 1988 года быстро накалялась, и с каждым месяцем найти и провести в жизнь мирное и справедливое решение становилось все труднее.

В национальной политике, как и в других сферах, необходимо последовательно проводить основные принципы перестройки: демократизацию, ответственность, гласность. Все это предполагает нестесненное обсуждение существующих проблем, спокойное сопоставление разных точек зрения и подходов.

полтора часовую передачу по Эстонскому радио. Но почему только эстонцы могут знать правду о Сумгаите?

Что скажет о нашем обществе грядущий историк, когда обшарив стопки газет за 1988 год, с удивлением обнаружит, что письма соболезнования и возмущения происшедшим в Сумгаите можно найти только в личных архивах? Что скажет этот историк, когда узнает, что сумгаитские беженцы, сами нищие, перечислили деньги пережившим железнодорожную катастрофу в Арзамасе, но тщетно будет он искать в какой-либо газете упоминание о фонде помощи сумгаитцам?

Я человек, посвятивший себя преподаванию русского языка в Армении и переводам памятников древнеармянской литературы на русский язык. Поэтому мне особенно горько и больно не только за моих соотечественников, от которых

Такого обсуждения не хватало, когда разразились карабахские события. Гласность, как справедливо заметил А. Д. Сахаров, отказывала как раз тогда, когда она всего более была нужна. Но и в последующий период, когда средства массовой информации стали уделять этим событиям значительное внимание, преобладающий подход к проблеме оставался односторонним, поскольку неизменность существующего административно-территориального разграничения утверждалась как бесспорный, исходный принцип, а не один из возможных вариантов решения. Именно это, а не подстрекаТЕЛЬская деятельность неких «темных сил» заставляла сторону, считавшую себя ущемленной, усиливать натиск.

Не было в должной мере оценено, какую глубокую черту в развитии событий проложила трагедия Сумгаита, какой всплеск отчаяния и протеста вызвала она в сознании армянского народа, наложившись на его историческую память о геноциде 1915 года. На мой взгляд, реакция на Сумгаит вне Армении была и остается неадекватной злодеянию. События, которые накаляли эмоции, действительно не могут оставить спокойными ни ум, ни совесть.

Конечно, нельзя возлагать за них ответственность на народ Азербайджана. Но азербайджанские семьи, укрывавшие своих армянских соседей от погромщиков, повели себя более мужественно и достойно, чем власти, которые проявили непонятную робость в политической оценке событий, как бы опасаясь задеть чьи-то чувства.

Последовательный общегуманистический подход, казалось бы, должен был подсказать, что необходимо первым делом опубликовать поименный список жертв армянского погрома в Сумгаите. Это могло бы сразу снять спор о числе погибших, не говоря уже о том, что значение события и элементарное чувство солидарности требовали объявить общенародный траур (который, к слову сказать, назначался у нас в последние годы по менее существенным поводам). Но если первую реакцию еще можно объяснить элементарной растерянностью, то нельзя понять, почему суду над участниками и организаторами массовых беспорядков и бандитизма (а не просто хулиганства) не было придано соответствующее общественное звучание, и гласность была как бы приглушена. До сих пор не дан внятный ответ и на вопрос, кто отвечает и как могло случиться, что

ПОЧТА РЕДАКТОРА

вы пытаетесь отгородиться, но и за вас. Ибо ваша позиция заставляет усомниться в вашей искренности и честности. Поймите — у нас с вами общие проблемы, и главная из них — проблема справедливо-го переустройства нашего общества.

У нас общие беды и общие проблемы. Всем нам памятно выступление Григория Бакаланова на XIX партконференции. Хочу повторить его же мысль, но в иной форме: кто в дни Сумгаита предпочел молчать и к этому же призывал других, кто не сказал четко и ясно — с кем он, с палачом или с жертвой — тот завтра окажется перед необходимостью решать: кем ему быть самому — палачом или жертвой?

Никто из нас не вправе требовать от вас занять наши позиции. Но есть требование, от которого не имеет права уклониться считающий себя интеллигентом и гражданином, — требование жить по чес-

ти и совести. А Правда, которая и есть Царство Божие на земле, — она одна и для эллина, и для иудея; это ложь бывает многоликой и разной, на любой вкус. И если вы желаете и ищите правды, то нет и не может быть между нами разделяющего нас на «мы» и «вы» барьера. И в этом убеждают меня два письма, полученные от незнакомых мне русских женщин, одно — в марте, другое — в июле. Одно — от научного сотрудника, прошедшей через войну и в годы войны вступившей в партию. Второе — от только что окончившей школу. Но в обоих письмах — одна и та же главная мысль: «Нас, думающих так же, много. Поэтому будем надеяться, что справедливость восторжествует».

Сурен ЗОЛЯН,
заведующий кафедрой
русского языка
Ереванского университета.

решительные меры были приняты лишь на третий день погрома, развернувшегося рядом с азербайджанской столицей. Политическая и нравственная глухота помешала своевременно навести мост между Ереваном и Баку.

Любое прочное и справедливое решение национальных споров должно опираться на компромисс, а не «победу» одной из сторон. Важно отдавать отчет в том, что карабахский кризис поставил центральную государственную власть в нелегкое положение: к ней апеллировали обе стороны и на нее легла ответственность за сохранение порядка, за восстановление нормального ритма экономической жизни. Вместе с тем, поле возможных политических решений центра крайне ограничено. Насильственное подавление народного движения за воссоединение Карабаха с Арменией (к чему не преминули бы обратиться в минувшие годы) имело бы катастрофические последствия для перестройки. Но нельзя и волюнтаристски, простым решением центра, как это случилось в прошлом, менять границы республик, пока на это не получено согласие обеих сторон. Наконец, жизненно важно предотвратить развертывание цепной реакции межнациональных споров и притязаний, способных загубить перестройку.

Время покажет, было ли решение, принятое в июле 1988 года Президиумом Верховного Совета СССР, когда противоречащие друг другу решения Верховных Советов двух соседних республик завели ситуацию в тупик, оптимальным. Но общая установка на то, что компромисс должен быть выработан на основе согласия сторон, а не навязан центром, верна. Как видятся поиски компромисса?

Хотя конфликтная ситуация создана в значительной мере дефектами прошлой экономической и социальной политики, нельзя рассчитывать, что известные решения о социально-экономическом развитии НКАО содержат будто бы все необходимые и достаточные предпосылки для урегулирования. Сама программа нуждается в политических гарантиях ее осуществления. Поиск этих

гарантий — ядро проблемы. Вообще ошибочно думать, что обострившиеся межнациональные коллизии можно решить дополнительными ресурсами, направляемыми в ту или иную территорию из общесоюзного фонда. Во-первых, этот фонд не беспределен. Во-вторых, даже если национальное напряжение форсировано чувством экономической ущемленности, действительной или мнимой, снять его только средствами материального порядка нельзя, ибо национальное сознание — весьма тонкая и ранимая сфера, раз возникнув, симпатии и антипатии живут по собственным законам. Трактовать ущемленные национальные чувства как проявление национализма, как некую «форму», которая должна быть подчинена социально-экономическому «содержанию» (это сделал, например, философ, комментировавший телепередачу о Нагорном Карабахе) означает уводить реальную проблему в дебри бессодержательной схоластики.

Подлинно демократический и плюралистический подход предполагает, что в обществе могут существовать различные интересы, которые сплачивают те или иные социальные группы, в особенности группы меньшинства, — в том числе, и на национальной основе. Проблема возникает тогда, когда интересы одной национальной группы сталкиваются с действительными или воображаемыми интересами другой. Такие расхождения могут возникать и в социалистическом обществе, и задача заключается в том, чтобы не доводить их до антагонизма, до вражды.

В карабахском конфликте, как и в выступлениях некоторых других национальных меньшинств, привлекали внимание, а нередко и вызвали осуждение, непривычные формы социального действия в поддержку требований: многочисленные митинги, забастовки, голодовки. Эти действия, как правило, сопряжены с экономическими, социальными, политическими издержками, а некоторые нарушения общественного порядка крайне опасны и заслуживают безусловного осуждения. Но не менее опасно на этом остановиться. Ведь позиции тех, кто защищает статус-кво и выжидает,

наблюдая ход событий, заведомо сильнее, чем у тех, кто добивается его изменения и выдвигает свои требования в необычных, подчас довольно острых формах. Нельзя возлагать всю ответственность за обострение лишь на одну сторону, не принимая во внимание, в какой мере другая сторона склонна к уступкам и компромиссу, а центральная власть готова сказать свое слово. Поразительно не то, что массовое движение способно порождать подобного рода эксцессы, а то что это произошло через несколько месяцев, в течение которых взрывоопасный характер ситуации и возможность грозного развертывания неконтролируемых событий явно недооценивались.

Конечно, забастовка — крайне острое орудие, безответственное и неумеренное применение которого может повлечь тяжкие последствия. Но едва ли правомерно всю вину за нарушение экономических связей и нормального ритма жизни возлагать исключительно на забастовщиков, а тем более возбуждать против них недовольство людей, изборажая способ социального действия, от которого мы отвыкли, но который признан во всем цивилизованном мире, как банальное отлынивание от труда. Такая переакцентировка с существа проблемы на методы действия порождает законные подозрения в одностороннем подходе.

Но еще более сурового осуждения заслуживает тоска по силовым методам наведения «порядка», которая подчас проникает в печать и которая прозвучала в некоторых выступлениях на заседании Президиума Верховного Совета СССР. Силовые методы рекомендуют привлечь в ответ на «давление, которому подвергаются государственные органы». Между тем, интересы тех или иных меньшинств не всегда встречают понимание с самого начала. Действия, которые призваны привлечь общественное мнение к требованиям, которым они придают большое значение, пока подобные действия сохраняют мирный законный характер, представляют неотъемлемую принадлежность современного демократического процесса. Жесткая позиция, с поддержкой которой

связали себя некоторые официальные лица и органы печати, всего более накаляла обстановку и развязывала страсти. Перестройка проходит серьезное испытание— всерьез поставлен вопрос: способны ли мы разрешить кризисную ситуацию цивилизованно, не прибегая к привычному методу подавления?

Пришла пора расстаться с удобным представлением, что накал национальных и политических страстей создают некие экстремисты, сознательная или бессознательная агентура внешнего врага. Необходимо разработать принципы и методы урегулирования спорных вопросов национального развития внутри Союза, основанные на уважении прав и волеизъявления национальных меньшинств. Конечно, не все их пожелания, в частности касающиеся административного устройства, могут быть в полном объеме и немедленно удовлетворены, да еще явочным порядком. Но сложные проблемы национального самоопределения малых народов не могут решаться одними «инстанциями», хотя бы и самими авторитетными.

Универсальным методом снятия или, того лучше, предотвращения кризисных ситуаций подобного рода, по-видимому, мог бы стать равноправный диалог партийных и государственных органов с представительными массовыми движениями, поскольку они уважают законность и порядок и соблюдают нормы цивилизованного поведения. Исходные позиции сторон в начале такого диалога, естественно, могут быть различны. Но даже самые острые вопросы должны находить решение в русле общего курса на демократизацию и гуманизацию нашего общества.

В самодеятельных движениях, выдвигающих пожелания и требования, которые отвечают чаяниям многих людей, и придерживающихся мирных, ненасильственных действий, необходимо видеть не деструктивную, а конструктивную силу, работающую на перестройку. Это ячейки возрождающегося гражданского общества, одна из форм реализации политического плюрализма. Спокойный и уважительный диалог с ними — лучшее средство отсеечения тех

элементов, которые заинтересованы в конфронтации, а не поисках компромисса.

Политический потенциал национального самосознания надо не загонять в оппозицию, а использовать его в интересах перестройки, демократии, социализма. Национальное оформление в ряде республик приобретают Народные фронты, объединяющие активных сторонников перестройки, формалов и неформалов.

Весьма важную роль в урегулировании карабахского вопроса может сыграть специальная комиссия Совета Национальностей, которая должна получить высокий статус и к работе которой важно привлечь не только руководящих работников, но и авторитетных неформальных лидеров из Армении и Азербайджана, Центра, широкие общественные круги. Комиссия должна найти и предложить высшему органу государственной власти (а возможно и на всенародное обсуждение) компромиссный вариант выхода из кризиса, контуры которого были намечены в решении Президиума Верховного Совета.

Сохранение или изменение границ и статуса отдельных образований внутри Союза по многим причинам очень сложно. Здесь столкнулись два правовых принципа: право наций на самоопределение, которое не должно зависеть от согласия доминирующей нации, и государственный суверенитет, который предусматривает, в частности, что границы республики не могут быть изменены без ее согласия.

На мой взгляд, право нации на самоопределение выше, в принципе значимее государственного суверенитета, и это должно найти отражение в обновленной Конституции. Это соответствует и тем идеям, которые отстаивал Ленин в начале века, и общедемократическому правосознанию, утверждающемуся в мире на исходе столетия. Не эмоции, не волевая перекройка границ, а обращение к разуму, говорят нам, требуются сегодня. Но разум не может не считаться с эмоциями, а в карабахском споре оскорбленное и встревоженное национальное чувство народа с нелегкой исторической судьбой столкнулось с территориальными амбициями и ложно понятыми сооб-

ражениями престижа. Я глубоко верю, что азербайджанский народ может осознать, сколь неравновесны эти ценности, и что лучше иметь друга возле своего дома, чем насильственно удерживать в нем другой народ.

В то же время необходимо учитывать, что этническая карта СССР ныне существенно расходится с административно-территориальным делением. Это расхождение, по-видимому, будет со временем усиливаться. Увеличиваться будет число ареалов со смешанным национальным составом. Чтобы удовлетворительным образом решать возникающие в связи с этим проблемы, надо последовательно проводить курс на экономическую и политическую децентрализацию, расширять компетенцию местных органов, интенсифицировать прямые связи в экономике, которые будут отодвигать на второй план вопрос о подчиненности предприятия одному или другому звену в системе государственных экономических ведомств, а территориальную автономию необходимо дополнить национально-культурной, которая могла бы найти адекватное отражение в структуре органов государственной власти и, в частности, в намеченной реформе Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Радикальное же устранение кризисов и обострений в национальных взаимоотношениях может быть достигнуто лишь в рамках глубокой демократизации политической жизни.

«Революция должна уметь себя защищать» — это часто повторяемое положение приобретает нередко узкую, а то и просто неверную интерпретацию. Люди, не имеющие ни малейшего представления о реальной расстановке сил в Чили в начале 70-х годов, в упрек правительству С. Альеде ставят решительность в проведении репрессивно-карательной деятельности. Между тем, надежнейшая защита общественных преобразований, как революционных, так и эволюционных — в том, чтобы обеспечить им на каждом этапе прочную и широкую социальную базу, соразмерять цели и средства с реальной ситуацией, адекватно реагировать на события, которые грозят выйти из-под контроля.

Работает ли каждый наш день, как

иногда говорят, на перестройку, делает ли ее все более необратимой? Честный ответ на этот вопрос может быть только — и да, и нет. Да — потому что интенсивно идет очищение сознания миллионов людей от старых мифов, от смирения с ролью «винтиков». Нет — потому что нарастает усталость от слов и лозунгов, бумерангом возвращаются несбывшиеся ожидания и несвершившиеся надежды. И поэтому недостаточно сегодня убеждать себя и других, как худо будет без перестройки. Еще

важнее отдать себе отчет в том, почему и как она может не получиться. Исключительно сложный, исторически пионерный процесс сам неизбежно порождает обострения, которые могут приобретать критический накал. Начисто исключить их едва ли удастся, вопрос в том, как их предвидеть, смягчать и выходить из них с наименьшими потерями. Перестройка разобьется о подводные камни, если разразится кризис, который мы не сумеем предотвратить или преодолеть.

ПОЧТА РЕДАКТОРА

Возвращение достоинства

В центральной прессе появляется все больше публикаций, посвященных межнациональным проблемам. Например, в статье А. Проханова «Я был в Степанакерте...» («ЛГ», № 32) читаем: «Национальная тема, во многом загадочная, таинственная, неизученная, подобно взорвавшемуся в Чернобыле четвертому блоку, вынеслась в мир, породила реакцию разрушения, стала распространяться, готовая взорвать сложнейшие строения нашего полиэтнического государства, в чью конструкцию, что скрывать, заложена часть обветшалых, непригодных ныне элементов. Оказалось, что перестройка, провозглашая духовный плюрализм, в том числе и национальный, не имеет сегодня готовых обновленных устройств, способных уловить этот внезапный выброс, направить его в дело, в творчество, в созидание».

Не согласен с А. Прохановым сразу по двух пунктам:

во-первых, «внезапный выброс» вполне можно было и следовало прогнозировать;

во-вторых, рост национального самосознания — одна из движущих сил перестройки, поэтому идет «в дело, в созидание», а не наоборот.

Постараюсь обосновать оба тезиса.

В своей статье А. Проханов нарисовал довольно мрачную картину буйства разрушительных сил по вине перестройки. Но любому образованному человеку известны десятки национально-освободительных движений, сотрясавших порою целые континенты. Не думаю, чтобы Проханов отказывал и нашим народам в умении постоять за себя. А необходимость в этом имеется! Чтобы не быть голословным, упомяну о некоторых проблемах моей республики.

Украинский язык практически вытеснен из высших учебных заведений. В недавно опубликованных газетой «Литературная Украина» (№ 29, 1988) отрывках из дневника А. Довженко есть такие слова « На сороковом году строительства социализма в столице сорокамиллионной УССР (полностью) преподавание наук так же, как и в других вузах УССР (полностью), ведется на русском языке. Такого нет нигде в мире. Вспоминаю письма Ленина по национальному вопросу и думаю: не говорите мне больше ничего... Если мой народ не удостоился собственной высшей школы, — все остальное, что бы там ни было, не имеет значения. Какая не-

слыханная аморальность... Какой жестокий обман...» Жаль, что мнение выдающегося кинорежиссера проби- валось к нам более 30 лет, но еще обиднее, что его слова полностью сохраняют актуальность. Разве в век НТР культура, лишенная высшего образования, выдержит конкуренцию со стороны «старшей сестры», обладающей этим благом? Вытеснение ущемленной культуры, как показывает наш печальный опыт, идет до- вольно быстро. Отсюда и растущая непопулярность украинских школ у городского населения, подкреп- ленная непропорционально большим числом русских детских садов.

А разве может называться украин- ским телевидение, показывающее фильм на украинском языке раз в полгода? Даже немногочисленные фильмы на украинском языке в Чер- новцах, например, показывают дуб- лированными на русский язык. Надо ли после этого удивляться массово- му национальному нигилизму у мо- лодых?

Подобных фактов национальной несправедливости можно привести множество.

В нашем полиэтническом государ- стве национальный вопрос совершенно не обсуждался — по причине «полного» его решения. Не было в годы культа и застоя занятия более неблагодарного и опасного, чем за- щита национальных свобод. И сегодня у нас нет культуры и опыта об- суждения этой самой деликатной те- мы. Вот почему «выброс» вполне можно было предсказать.

Наблюдаемый сегодня рост нацио- нального самосознания — явление, безусловно, положительное. Его сле- дует четко отличать от национальной вражды, получившей свое крайнее, страшное выражение в Сумгаите. Пе- рестройка возвращает людям созна- ние собственного достоинства, чувст- во хозяина на своем предприятии, на своей улице, в городе и стране — ценности, в свою очередь, движущие и ускоряющие преобразования. И возрождающаяся национальная

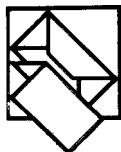
гордость, стремление разобраться в проблемах родной культуры и ре- шить их — неотъемлемые составляю- щие благотворного процесса обнов- лений.

Мы боремся за чистоту рек и го- родов, защищаем исчезающие виды животных и растений, но почему-то широкая общественность молчит о трагическом положении белорусско- го языка, грозящем смертью куль- туре многомиллионного народа. А ведь здесь кричать надо! И по- мочь — всем многонациональным миром.

Против «размывания» языков нуж- ны самые энергичные меры, одной из которых может быть придание им статуса государственных на тер- риториях соответствующих госу- дарственных образований (союзных и автономных), при обеспечении не- обходимых гарантий для русского, как языка межнационального обще- ния, и языков национальных мень- шинств.

Возникает вопрос: кто препятст- вует решению межнациональных проблем? Все тот же бюрократ, прич- ем не обязательно московский, а наш «землячок», способный ради кар- рьеры от родной матери отречься, прикрываясь при этом речами об интернационализме. Поэтому за воз- никшие в последнее время крайнос- ти в межнациональной сфере преж- де всего отвечает бюрократическая машина — не только за перегибы в прошлом, но и за сегодняшнее не- умение эти перегибы устранить. И за Сумгаит несет вину именно она, а не степанакертские интеллектуалы, как это пытается представить А. Проха- нов. Поэтому успехи в борьбе с иг- норрующим желанием и отдельных людей, и целых народов админист- ративно-командным стилем руковод- ства и его конкретными поборника- ми — лучшая гарантия против по- вторения подобных трагедий. Научим- ся жить вместе!

Игорь НЕСТЕРУК,
старший научный сотрудник
Черновицкого университета.

Традиции мертвых поколений

Михаил ОСЬМАКОВ,
кандидат исторических наук

Полемика вокруг ключевых вопросов отечественной истории послеоктябрьского периода становится все напряженней и драматичней. В центре дискуссии — варианты общественного развития. Являлось ли исторической неизбежностью возникновение админист-

ративной системы или же существовал (но из-за произвола Сталина так и не был реализован) альтернативный, ленинский вариант строительства нового общества?

Сокровенная суть сталинизма — абсолютная политическая власть. Подобная

Трудно, а надо

Пытаясь понять причины, приведшие к возникновению такого социального феномена, как сталинизм, большинство исследователей уделяют все внимание изучению одного члена оппозиции «власть — народ», а именно первого. Да, роль личности в истории велика, вина Сталина огромна. Но, к сожалению, это не вся правда. А чтобы подобное не повторилось, надо знать ее всю. Так в чем же она?

Ответить на такой вопрос нелегко, нелегко в нравственном, психологическом, гносеологическом планах. Для этого нужно иметь зрелость, мужество, ум. То есть пришла пора посмотреть открыто и честно в глаза самим себе, пришла пора разобраться и понять, а что мы за народ, почему мы позволили Сталину делать с нами все, что ему захочется: позволили убивать нас, сажать в тюрьмы, превращать нас в тюремщиков, доносчиков и т. д. и т. п.

Я считаю, что за все преступления, совершенные в 30—50 годах, мы несем вместе со Сталиным равную ответственность. Все это делалось с

нашего — и громкого, и молчаливого — согласия, нашими руками, умами. Свидетелей не было, почти все стали сообщниками. Как могло такое случиться, что народ почти добровольно подвергал себя систематическому уничтожению? Где корни этого: в истории ли нашей, в генетическом фонде, психике?

(Кстати, еще со времен Ивана Грозного уничтожались преимущественно не умные, не талантливые, а люди с характером: так называемые лидеры, вольнолюбивые, умеющие отстаивать свою точку зрения. Как раз сегодня нам таких и не хватает.)

Это лишь одна сторона дела. Но что-то не то творится и с нашей нравственностью; думается, что в чем-то ущербна и наша психика (откуда это в нас любовь к рабству?).

Повторюсь: это трудные вопросы. И одному человеку на них не ответить. Но они заданы временем, и если мы и теперь закроем на них глаза, то перестройка будет идти еще трудней.

СТЕПАНОВ,
г. Тамбов.

власть не может висеть в воздухе, у нее должен быть экономический фундамент. Чтобы стать абсолютным властелином, недостаточно хотеть быть таковым, надо опереться на могучую общественную потребность в Хозяине, питаемую целым комплексом объективных и субъективных, экономических, социальных и идеологических предпосылок.

Люди могут многое, но не все. Каждая страна, каждая эпоха имеют свой четко очерченный горизонт возможно-го. Эти фиксированные границы исторической потенции социума заданы ему прошлым, накопленным за тысячелетия социальным генофондом. «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (К. Маркс, Ф. Энгельс *Собр. соч.*, изд. 2-ое, т. 8, с. 119).

«Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»... В одной фразе целая философия истории, самобытная и до сих пор не угаданная нами. «Традициями мертвых поколений» история корректирует дерзкие мечты, заземляет субъективный порыв, отрезвляет народы. Эти традиции лежат в основании той самой практики, которая проводит строгий водораздел между подлинным знанием и заблуждением. Это материализация власти могущественной и бескомпромиссной. Власти, спрессованной в историческом наследии нации, ее социальной памяти.

Объясняя прошлое, мы нередко игнорируем кажущиеся нам малозначимыми элементы объяснения. Опирирая глыбообразными категориями (базис, надстройка, государство, этнос и т. п.), мы нередко забываем, что за этой непроницаемой фалангой обезличенных структур стоят живые люди, наделенные сознанием, аккумулирующие разнообразную информацию, порождая на этой основе новые идеи и решения, вещи и религиозные доктрины, общественные институты и поступки: величественный и прекрасный, создаваемый и воссоздаваемый человеком мир

социального. Социальная память везде, во всем: в людях, их потребностях и интересах, в формах мышления, морально-нравственных нормах, в этических и эстетических императивах, в эмоциях и страстях, в стимулах и планах, в предметах, городах, машинах, этносах, книгах... Социальная память вездесуща, «всеядна». Она в семантике культуры и в ее структуре. Она воплощенный парадокс: будучи продуктом исторического творчества, она втискивает его в прокрустово ложе своих смыслов; будучи продуктом свободно творящего человека, она задает ему жесткие программы поведения, отношения к миру, власти, себе, другому, активности, поиска, жизни. Социальная память формирует индивида по своему образцу и подобию.

Можно ли выпрыгнуть за ее пределы? Нельзя, даже в волшебных снах. Самые причудливые идеи, самые бредовые фантазии — ее, социальной памяти, ассиметрично-гротескное отображение.

Социальная память — над временем, ибо несет в себе не только прошлое, но и будущее. Она источник всех альтернатив. Она исключает произвольный поворот исторического потока в неведомое русло. Социальная память, историческое наследие — это четко организованная система объективных и субъективных предпосылок грядущего. Материально-вещественные и человеческие слагаемые социальной жизни — ядро исторического наследия, его организующее начало, воплощенное в формах собственности. Если общество даже после великой революции воспроизводит в качестве своей основы авторитарно-иерархический принцип, значит, пресс исторического наследия оказался неодолимым, значит, в новой форме воспроизведено старое содержание.

Можно смести до основания допотопные учреждения но нельзя превратить в пыль монолитную глыбу исторического наследия, нельзя заменить старые производительные силы принципиально новыми, нельзя на фундаменте исторически ограниченных предпосылок возвести здание мировой гармонии.

Сконцентрированное в историческом наследии прошлое — вседержитель истории. Его каток безжалостно расплю-

щит новое, делает мягким и податливым. А созданный этим наследием человек вылепит из полученной глины фигурки-монстры, в которых отжившее будет проглядывать в едва появившемся на свет. Нет таких новаций, которые разом могли бы переплавить, перековать историческое наследие и вознести наследников на недосыгаемую для отцов высоту. Нет таких новаций, которые могли бы трансформировать наличное в невозможное! Любые нововведения будут приспособляться к накопленному, чтобы не быть отторгнутыми. Революция способна поколебать материковую плиту исторического наследия, но не в состоянии ее уничтожить.

Машинные средства труда, унаследованные нами от прошлого, нуждаются в работнике-придатке технологических процессов, отчужденном от средств производства. Они диктуют концентрацию собственности в руках немногих. Гражданская война форсировала этот процесс, воплотила его в системе «военного коммунизма» — провозвестнице административной системы. Экономическая и политическая власть была монополизирована, подкреплена всей мощью государственного аппарата, освящена идеологией, стала абсолютной. На сцену истории в социалистическом облачении вышла авторитарно-иерархическая организация. У нее за плечами тысячелетняя история.

В ее историческом активе великие ирригационные сооружения Древневосточных деспотий и грандиозные строительные комплексы императорского Рима, освоение новых территорий и возведение городов, петровские мануфактуры и японское «экономическое чудо», обуздание природных стихий и торжество государственной дисциплины, утверждение тирании общественных интересов и спасение целых народов от уничтожения.

В ее пассиве дикая, доводящая человека до полуживотного состояния эксплуатация, вахханалия бюрократизма, перманентно вспыхивавшие эпидемии террора власти против собственного народа, дегуманизация общественных отношений и отдельных личностей, произвольная манипуляция людьми-винти-

ками, попрание элементарных человеческих прав и грубейшие просчеты, ставившие общество на грань катастрофы.

В эпоху «военного коммунизма» сформировался специфический субъект власти. От давнего и недавнего прошлого он унаследовал рычаги тотального контроля над всеми сторонами общественной жизни, чудовищную бюрократическую традицию царской России, командно-административный стиль, мессианскую убежденность в своем великом историческом предназначении. Новый субъект власти изначально формировался как монополист. Сталин довел этот монополизм до пределов возможного, до фантазмагории.

Народные массы России поддерживали революционную власть. Причин было много. Одна из важнейших уходила своими корнями в глубочайшие пласты исторического наследия, в самые важные ячейки социальной памяти. Речь идет о складывавшемся веками отношении народа к государству, его учреждениям. Это — преклонение перед властью и ее институтами, их обожествление, слепая вера в мудрость и искренности «верхов», добровольное самоуничтожение перед их авторитетом.

Три революции многому научили людей, избавили от некоторых иллюзий. Были дискредитированы конкретные формы власти, но не она сама и не питающая ее идея. Революция обрабатывала удобренную историческим наследием почву. Народ воспринял не просто новую власть, но власть вообще, **власть как кредо** национальной жизни. Сказались неразвитость демократической традиции, крайне низкая политическая культура подавляющего большинства населения, отсутствие рационально-скептического отношения к государственным институтам и конструктивного опыта систематического и организованного давления на них.

Времена сомкнулись. Прошлое овладело настоящим. Настоящее интегрировалось в себя прошлое. Наследие указало путь, и мы пошли по нему.

Это была наша страшная дорога к храму.

г. Орел.

Патриотизм и гуманность

В журнале «Век XX и мир» № 5 за 1988 г. опубликована статья В. Лазарева и О. Тугановой «Патриотизм простой и «военный». Эта статья — отклик на статью старшего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны СССР, доктора философских наук, профессора Б. Каневского «История в поисках правды», напечатанную в «Комсомольской правде» 6.03.88. Сравнивая эти статьи, мы видим различные подходы к одной из важнейших проблем в осознании ценности человеческой личности — к проблеме плена и пленных.

Военный философ отвергает возможность на войне обстоятельств и условий, оправдывающих сдачу в плен. Он считает оправданными строки воинского устава, гласящие, что ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнслужащего Вооруженных Сил СССР сдать в плен.

В. Лазарев и О. Туганова считают это поучение безнравственным, отголоском каннибализма, отражающим «ведомственное мирознание, и обосновывают иной, более глубокий, как нам представляется, подход к проблеме.

Авторы отклика показывают различие патриотизма военно-ведомственного, приказного, связанного со страхом и подавлением, и патриотизма более глубокого, отвергающего жестокость и дикость. Они заостряют внимание на тенденции возрастания ценности человеческой личности, что является признаком развитости, зрелости человеческого общества, на недопустимости положения, когда плен приравнивался к измене Родине, а пленные лишались моральной и материальной помощи через Красный Крест, что противоречит Гаагским и Женевским конвенциям и могло обусловить высокий процент гибели наших соотечественников, попавших в плен. Пленные, а многие из них проявили героизм в защите

Отечества, испытали жестокости фашистского плена, а затем страшились возвращения на Родину, где их ждали новые жестокие репрессии.

Авторы отклика отмечают, что время войны — время искаженной народной жизни — жизнеразрушения, — сменяется временем мирной жизни — жизнестроительства, к которому народ должен прийти, сохранив максимум своих потенций, свои важнейшие культурно-общественные установления.

Авторы призывают составить реестр юридических норм (законов, постановлений), не принимающих во внимание ценность человеческой личности, пересмотреть и отменить их.

При крупных военных операциях вину высокопоставленных чинов в сдаче в плен крупных воинских подразделений нельзя перекладывать на рядовых исполнителей. Так, из сведений, приведенных в книге генерал-полковника Д. Волкоглова «Триумф и трагедия», можно заключить, что пленение было, по существу, запрограммировано действиями высокого воинского начальства, которое не уделило должного внимания стратегической оборонительной операции, так как возможность прорыва крупных сил противника в глубь нашей территории просто исключалась из рассмотрения. Кроме того, предусматривалось равномерное последовательное поступление на фронт эшелонов войск, вступление их в сражение поочередно, что облегчало задачу противнику, позволяя планомерно, по частям, уничтожать наши вооруженные силы. Уже в этом — предпосылка разгрома и, как следствие, — пленения и уничтожения крупных воинских подразделений и отдельных групп людей, которые были не в состоянии в ходе военных действий изменить ход событий. Руководство должно было «проиграть» все возможные варианты — слишком дорогой ценой досталась нам победа.

Призыв авторов к гуманному отношению к пленным в духе старых гуманистических традиций России, выступившей инициатором Гаагских конвенций,— отражение одной из сторон общей гуманизации отношений в нашем обществе — их подъема на более высокую ступень развития, осознания **взаимответственности** человека и общества. Он особенно справедлив и своевременен сейчас, когда весь мир обеспокоен судьбой советских воинов, плененных в Афганистане, когда даже создан специальный международный комитет за спасение советских военнопленных в Афганистане, возглавляемый живущим в Америке русским художником — М. Шемякиным.

В чем проявляется патриотизм русского художника, живущего в Америке? Он чувствует своей нерасторжимость с народом своей страны. Художнику хочется, чтобы в нашей стране была организована выставка-продажа его работ и чтобы выручка от нее пошла на строительство центра реабилитации для советских воинов, вернувшихся из Афганистана ранеными и увечными.

Если интернациональное движение за защиту наших воинов возникло за рубежом, то тем большая ответственность лежит на нас и нашем советском правительстве. Сотни матерей солдат, плененных в Афганистане, ставят вопрос о вызволении из плена наших воинов. Истинный гражданский патриотизм должен проявиться в заботе о наших соотечественниках, которые были направлены в Афганистан. Эта забота должна распространяться и на тех, кто вернулся из Афганистана, пострадав в боях и морально, и физически. Мы должны помочь им преодолеть и физические, и моральные травмы, помочь вернуться в наше общество.

Истинный патриот доказывает свой патриотизм делами. Патриотизм является не следствием словесных поучений, а глубоко выстраданной душевной потребностью, которая рождает благородные действия. У нас же только в последнее время заговорили о пленных. Как отнеслись у нас к вернувшимся ребятам — увечным и раненым? Как отнеслись к памяти погибших? Когда в парке Дружбы ставили камень в память павших, не было даже представителей городских властей, Министерства обороны СССР. Общество, которое равнодушно к судьбе соотечественников, не ощущает боли и не борется за своих сыновей, не может нормально развиваться. События в Афганистане — это тоже важная составная часть жизни нашего общества.

Статья В. Лазарева и О. Тугановой весьма злободневна, особенно в период перестройки, гласности и демократизации общества, она придает проблеме патриотизма новое звучание. Советский патриотизм должен быть основан, как нам кажется, не на чувстве страха, а на чувстве слияния с Родиной, на ощущении себя хозяином своей страны, ответственным за все происходящее в ней и с нею, с ее народом.

Выражаем журналу огромную признательность за публикацию статьи на эту важную тему, которую следует развить и рассмотреть всесторонне, не ограничиваясь этой короткой публикацией в колонке «Почта редактора», расширить ее в рамках тематики данного журнала.

Светлана ПЛОТНИКОВА,
инженер;

Маргарита ПОВИЛАЙТИС,
кандидат

геолого-минералогических наук,
г. Москва.

НАПОМИНАНИЕ О ВАВИЛОНЕ

У известного советского историка Льва Николаевича Гумилева, сына русских поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева, судьба не из легких. За его плечами — долгая жизнь: от кропотливого научного труда до подневольного в сталинских лагерях, и снова работа над книгами, экспедиции, преподавательская работа, словом — все, что мы называем огромным, увя, горьким жизненным опытом ученого и советского человека.

Но ни о своих знаменитых родителях, ни о нелегкой своей жизни Лев Николаевич говорить не стал. «Это — дело семейное, к нашему разговору прямого отношения не имеет. И так?..»

— Лев Николаевич, считается, что причиной гибели древней цивилизации Востока было то, что она не смогла найти общего языка с природой. Хотя и говорят, что главный урок истории в том, что она никого не учит, хотелось бы знать версию историка русской школы, одного из создателей советской этнологии — науки об этносах. Что случилось в междуречье Тигра и Ефрата, превратив Вавилон в руины?

— Баб-элои — «Врата бога» — Вавилон был основан амореями в XIX веке до нашей эры и завоеван ассирийцами в VII веке до нашей эры. Халдеи разгромили Ассирию в 612 году до н. э. и стали хозяевами Вавилона, население которого достигало миллиона. Хозяйство Вавилона базировалось на системе ирригации междуречья Тигра и Ефрата, причем, избыточные воды сбрасывались в море через Тигр. Это было разумно, так как воды рек во время половодий несут много взвеси, а засорение плодородной почвы гравием и песком нецелесообразно.

Но в 582 году до н. э. царь Навухо-

доносор скрепил мир с Египтом жемчужной царевне Нитокрис. Вместе с ней в Вавилон прибыла ее свита из образованных египтян. Нитокрис предложила своему супругу, очевидно, не без консультации со своими приближенными, построить новый канал и увеличить орошаемую площадь. Царь-халдей принял предложение царицы-египтянки и был сооружен Паллукат, начинавшийся выше Вавилона и оросивший крупные массивы земель за пределами речных пойм. Ефрат стал течь медленнее, и аллювий оседал в оросительных каналах. Это увеличило трудовые затраты на поддержание оросительной системы. Вода из Паллуката, проходившего через сухие территории, вызвала засоление почв. Земледелие перестало быть рентабельным. Вавилон пустел, и в 129 году до н. э. стал добычей парфян. К началу новой эры от него оставалось лишь небольшое поселение, а потом исчезло и оно.

Если бы царем в Вавилоне был местный житель, то он сам понял бы, какие губительные последствия несет непродуманная мелиорация, либо посоветовался бы с земляками: среди них всегда найдутся толковые люди. Египетские же инженеры перенесли свои приемы мелиорации Нила на Ефрат механически: Нил несет в половодье плодородный ил, а пески ливийской пустыни дренируют любое количество воды. Так что в Египте опасности засоления почв нет.

— Были ли попытки исправить последствия «вавилонской мелиорации»?

— В VII—IX веках это пытались сделать арабы. Они располагали огромными источниками дешевой рабочей силы, получая негров-рабов из Занзибара. Их заставляли собирать в корзины

кристаллы соли вокруг развалин Вавилона и увозить. Идея улучшить таким образом почву была неосуществимой, так как мелкие кристаллики соли простому глазу не видны. А работа была жуткая, прямо убийственная под палящим солнцем, с изъеденными солью ладонями, без надежды на отдых! Отчаявшиеся негры подняли восстание. Длилось оно почти четверть века и в конечном счете, привело к гибели багдадского халифата. Вот какова была цена второй попытки мелиорации, непродуманной и столь же легкомысленной, как и первая.

— Следует ли считать, что любая мелиорация почв губительна?

— В древности это случалось всегда, когда за дело принимались люди чужие, пришлые. Им было некогда изучать, надо было сразу действовать. И вот результат! Самым трагичным в этой коллизии является то, что мигранты вступали с аборигенами в обратную связь. Они их поучали, вносили технические усовершенствования, годные для родных ландшафтов мигрантов, а не для тех мест, куда они их механически переносили. И подчас губительные воздействия становились необратимыми. Но когда за дело берется этнос, составляющий часть вмещающего ландшафта, он работает в унисон с природными процессами и создает устойчивый биоценоз.

— Но, если этногенез — природный процесс, он сам по себе не должен был бы создавать необратимых перемен в биосфере. Тем не менее, такие злокачественные изменения налицо. Откуда они? И отчего происходит смена этносов, их расцвет и упадок?

— Обратимся к теории этногенеза: теории создания и исчезновения народов. Сам термин «этнос» хорошо известен. Его знал еще Гомер, и в славянском языке он существовал как «языщи».

Этнос — явление, лежащее на грани социосферы и биосферы. Энергия на этническом уровне дает эффект, который я называю пассионарностью. Пассионарность — признак поведения человека, воспринимаемый сторонними наб-

людателями как необратимое стремление к намеченной цели. Пускай она даже иллюзорна, но для достижения этой цели ее носители — пассионарии не жалеют ни собственной жизни, ни жизни своих детей. Психологически пассионарность действует как импульс подосознания, противоположный инстинкту самосохранения, индивидуальному и видовому. Причину этого я вижу в мутации, время от времени наступающей живые организмы. На глобусе всегда можно указать место и момент любого пассионарного толчка.

Нет человека вне этноса каждый человек принадлежит только одному этносу — и не бывает этноса вне определенной фазы. Если спросить геолога, вечны ли горы, он рассмеется вам в лицо: ничего подобного! Урал был прежде большим, стал маленький, Гималаи — наоборот. Так и с этносами. Из какой-нибудь крохотной группы, секты, какого-то вероучения, родовой общины или дружины вдруг возникает великий этнос. Не за счет размножения людей, а за счет включения в себя соседей, с которыми устанавливает контакты.

Период подъема длится, приблизительно, триста лет. За это время в этносе накапливается энергия живого вещества биосферы, описанная В. И. Вернадским, и создается его собственный эффект, который я и назвал пассионарностью. Эта крошечная группа — консорция, превращается сначала в субэтнос, затем в этнос. В эти времена люди настолько пластичны, что приспосабливаются к любым природным условиям. Возникает своего рода симбиоз, когда освоенный ими ландшафт, в свою очередь, приспособливает их к себе. Но этот творческий, созидательный период неизбежно кончается пассионарным «перегревом».

Наступает акматическая фаза, при которой развивается индивидуализм и люди борются уже не за коллективные интересы, а каждый за себя. Они совершают нелепые походы, типа крестовых, устраивают междоусобные войны, такие, как гражданские в Риме, когда оптиматы резали популяров, а те — на-

оборот. И тут кончаются творческие взаимоотношения человека с окружающей средой, как этнической, так и природной. Впрочем, природная среда при этом не проигрывает, потому что люди так заняты человекоубийством, что им некогда вторгаться в переделку природы. Когда же уровень пассионарности снижается до фазы надлома, энергия выплескивается вовне, туда, где нет риска — в искусство, в науку.

Люди пишут дивные картины, создают замечательные поэмы. Академик Конрад назвал этот период Возрождением и постарался показать, что он есть везде. По существу же это — утеря пассионарности, потому что энергия затрачивается на создание вещей прекрасных, которые, как только они созданы, затвердевают, будто кристаллы, а вся масса, в целом, остывает.

В эти времена обыватель, уцелевший после акматической фазы и фазы надлома, рисковать не хочет. Он копает землю, рубит леса, уничтожает диких животных, вводит монокультуру вместо сложных ландшафтов. Пример тому Америка, где хлопковые плантации открыли некогда зеленые холмы южных штатов, превратив их в песчаные дюны. Прерии распаханы, урожаи огромны. Только нет-нет, да и налетают пылевые бури, губящие сады и посевы восточных штатов вплоть до Атлантики. Пример тому Франция, где при Карле Великом две пятых лесов были сведены, земли распаханы, в том числе под виноградную монокультуру, а интенсивное земледелие вызвало усиленную эрозию почв. Правда, обыватель превратил Францию с ее дремучими лесами в культурный ландшафт, который существует ныне. Но и этот ландшафт не вечен, как и все: помните о Вавилоне!

На смену обывателям с гармоничной психологией и слабой пассионарностью приходят субпассионарии — люди, лишенные творческой способности, чисто рефлекторные. Они стараются устроиться и жить за чужой счет. За чей — неважно: за счет природы ли, за счет накопленных богатств, правительства, соседей... Таковы римские легионеры эпохи солдатских императоров. Таковы гулямы на Ближнем Востоке эпохи Тиму-

ра. Таковы вообще многие народы, пережившие последнюю фазу — фазу обскурации. Система теряет энергию и превращается в поприще для бездельников, лишенных совести.

Но и эта фаза не последняя. Потому что бездельники уходят вместе со своими преступлениями. Остаются тихие, спокойные, довольные собой люди. Они вспоминают о том, что некогда было прекрасно. Это мемориальная фаза, так я ее называю. Она переходит в полный гомеостаз, когда людям и вспоминать-то трудно, зато они живут в полном согласии с искаженным и обеспокоенным ландшафтом. Таковы так называемые «примитивные» народы, которые по существу являются финальными, пережитками. Они не дети — они старички, и не представляют, так сказать, никакой силы, пока новый пассионарный толчок не поднимет их к новой деятельности.

— Эти горькие уроки пращуров — предостережения нам, потомкам. Судьба Вавилона уже нависла над Каракалпакией...

— Перед современным человечеством, которое на переходе в ноосферу становится единой земной цивилизацией, остро встали две кардинальные задачи: найти общий язык между народами и государствами — и отыскать общий язык с природой. Неразрешение этих задач — гибель. В первом случае, имея в виду ядерную войну, — мгновенная, во втором, в условиях тотальной экологической катастрофы, — медленная и мучительная. Для обеспечения политической, экономической и экологической безопасности необходимо, как писал Вернадский, «государственное объединение усилий всего человечества» с самым широким демократическим участием людей и народов в деле созидания ноосферы — сферы разума. А альтернатива этому — путь в некротсферу — сферу смерти.

Беседу провела
Татьяна ШУТОВА,
активистка ассоциации
«Экология и мир» при
Советском комитете
защиты мира.

ПРОКЛЯТЬЕ СИЛЫ

Магия «оборонного сознания»

Андрей ФАДИН

«Еще не утасла, по крайней мере на Западе, надежда на то, что в одно прекрасное утро на вершине (власти в СССР — А. Ф.) появится доброжелательный и прагматичный человек в костюме европейского покроя. Он ограничит тотальное планирование, даст свободу директорам промышленных предприятий, предоставит самостоятельность колхозам, восстановит местное самоуправление, умерит власть цензуры, усмирит КГБ, отменит преследования интеллигентов, верующих, националистов, разрешит свободный культурный обмен с другими странами и договорится с Америкой о разоружении.

Незачем говорить о том, что система отбора и выдвижения руководителей в партии исключает появление реформатора: личности подобного рода элиминируются уже на низших ступенях иерархии».

Столь явно несбывшийся скептический прогноз содержится в книге эмигрировавшего из СССР и бросившего якорь в Мюнхене писателя Бориса Хазанова «Миф Россия Опыт романтической политологии», изданной в Нью-Йорке совсем недавно, в 1986 году. Но воздержимся от желчной улыбки. В этом несомненно ярком и незаурядном историческом эссе (жанр, увы, практически вымерший в нашей словесности) немало тонких наблюдений над русским национальным характером и, подчас, блестящих прорывов к многомерным смыслам исторической судьбы России.

Автор, впрочем, не видит для российской культуры выхода из одномерности. Общее представление о неадекватности культуры государства в России, заданности русского культурно-политического кода делает в его глазах дело демократической реформации в СССР наперед безнадежным «...Этот порядок невозможно рефор-

мировать. Даже незначительные усовершенствования опасны. Выньте один кирпичек — только для того, чтобы заменить его другим, и повалится все здание. Порядок есть порядок: или он такой, какой есть, или никакой». Экстраполяция этой убежденности подталкивает его к тоскливому пророчеству: например, он напрочь исключает возможность в СССР «уличной демонстрации с флагами, пением песен, сочувствием толпы и растерянностью жандармов»...

* * *

За несбывшимися предсказаниями терзаемого ностальгической рефлексией эмигранта в действительности встает вопрос, слишком серьезный, чтобы легко парировать сомнения в любых переменах. Стали ли мы другими? Сумеет ли мы перешагнуть через собственные поведенческие стереотипы, воспитанные веками авторитарной истории? Вот вопросы, которые становятся ключевыми для определения культурной стратегии перестройки.

Кажется, что ответ уже дан. Из либерально-интеллигентской среды что ни день слышно: да, мы другие, чем те, кого под нашими именами знали вчера. Мы идем вместе с миром по общемировой дороге. К сожалению, этот явно преждевременный и упрощенный, а то и просто неверный либеральный стереотип становится преобладающим подходом к проблематике «Россия и Запад».

Мы — такие же! Все мы — люди! Человек — везде человек!.. Таковы уже обычные сегодня мотивы нашей мифотворческой публицистики. И это, конечно, колоссальный шаг вперед по отношению к прежним стереотипам массового сознания, как здесь в СССР, так и на Западе. Для нас это важнее, чем для

других, более открытых обществ: мы ведь чуть не всю свою историю прожили в атмосфере осажденной крепости, в незримой культурной полемике с внешним миром (и чем больше мы из него заимствовали, тем больше была нужда в идеологическом и культурном самоутверждении).

Однако акценты в этой всечеловеческой теме расставляются, думается, неверно. Ибо формула «мы — такие же, как они» в действительности мало что объясняет. Мы — люди, но мы сформированы принципиально различными культурами, следовательно — **разные люди**. Лишь признав это, уяснив в чем наши (а значит, наших культур) принципиальные различия, можно надеяться на действительное понимание и себя, и других. Напротив, работа «конвейера банальностей» таит в себе опасность нового отрыва умильной риторики интеллигентов от жестокой социальной реальности в тени Апокалипсиса (Вспоминаются межвоенные миролюбивые конгрессы мастеров культуры, встречи и братания немецких и французских фронтовиков в 30-е годы. Полная ангажированность одних — и полное бескорыстие других, журчание речей, гром обличений... А социальная реальность развивалась, неудержимо толкая мир к краю пропасти).

Каждая великая нация несчастна по своему, каждая великая культура несет свои родовые проклятия. И пока не произойдет их самоосознания, пока сама нация не пройдет горьким путем рефлексии, сделав свой опыт достоянием общечеловеческой семьи, — говорить о понимании друг друга, о **взаимопонимании** — благое, но пустое желание.

Вот почему меня передергивает, когда «от лица» великой русской культуры делаются заявления о том, «что русский человек — это Всецеловек» (Элем Климов), когда Достоевского, сказавшего около века назад эти слова, перекрашивают в социалиста и правозвестника братства народов, а гоголевскую «птицу-тройку» представляют этакой колесницей мира (хотя иные народы, быть может, ассоциируют ее совсем с другим транспортным средством).

Нарастающее сегодня умиление вокруг извечного гуманизма великой русской культуры все дальше уводит нас от

того в нас, что не пускало и не пускает **вернуться на равных** в общечеловеческую семью наций. Тема **возвращения** подмечается апелляцией к комплексу культурной сверхполноценности. Неужели не ясно, что не все в нашем культурном наследии в порядке, что наши отношения с внешним миром далеки от нормальных отношений взаимобучения и взаимобогащения?

Для толщи народной жизни иностранное, внешнее, чужое веками проявлялось прежде всего как идеологический феномен (иная вера, иной политический строй), либо, увы, как военный противник. Отсутствие прямого и регулярного контакта с иными духовными мирами и бытовыми укладами сформировало у нас особый тип восприятия внешнего мира — этноцентризм.

Россия — согласно традиционным культурным нормам, да и глубинному нашему ощущению, сформированному этой культурой, — это ведь не просто **страна**, одна из многих, не просто равноправный член мировой семьи, нет, Россия — нечто большее, один из китов, на которых мир держится, одна из основ мироздания.

И сказать, что наш этноцентризм — лишь вариант имперской идеологии московских (а затем петербургских) царей — было бы непростительным упрощением. Мессианская идея пронизывала в той или иной мере практически **все** части политико-идеологического спектра, что по замечанию Н. Бердяева, обозначилось линией «от «третьего Рима» — к третьему Интернационалу», от мессианизма державного — к мессианизму революционному, **обрекающему** Россию на освобождение человечества от рабства денег, от диктата товарного производства, от унижительных страданий неравенства.

Предувствие не просто особой, но судьбоносной для всего мира роли России мы найдем и у Чернышевского, и у Герцена, и у Петра Лаврова. Несомненно мессианские мотивы и у вождей русской революции, которая мыслилась не иначе как начало революции мировой. И хотя Ленин «переложил руль», идея революционной избранности нашла свое воплощение и в организационных принципах, и в политике III Интернационала, но самое главное —

в имперских основах сталинской государственности.

Увы, смена философско-политических парадигм развития, отказ от немедленного построения всемирного храма свободы в пользу «социализма в одной стране» осуществлялись на одной и той же мифологической почве, ибо оборотная сторона идеи судьбоносной мировой роли—противостояние всему миру, коли он, мир, этой роли не приемлет.

Оставим пока в стороне внутриполитические мотивы, толкавшие сталинский режим к культурной автаркии, к обрыву внешних связей советского общества. Тотальное огосударствление общества в качестве неперемогимого условия нуждалось в обострении внешнеполитической ситуации до чрезвычайного уровня: ведь только предельный уровень внешней угрозы узаконивал «чрезвычайное управление» (как характеризуют некоторые специалисты сталинскую административную систему). В примерах нет недостатка: раздувание мифа о грядущем третьем походе Антанты на рубеже тридцатых годов, финская война, представленная народу «агрессией» со стороны маленькой Финляндии (все население которой было едва ли не меньше населения одного Ленинграда), параноидальная шпиономания, ставшая основой не только массовых политических расправ, но и уничтожения иностранных эмигрантов, как правило,— антифашистов.

Историк, всматривающийся в нашу недавнюю историю и напряженно ищущий в ней основу новой гуманистической и демократической идеологической преемственности, с удивлением и досадой видит, что общество не оказало сколько-либо серьезного сопротивления тоталитарному Молоху, не выдвинуло из себя героев и лидеров, действительно идущих в этой борьбе до конца. Фигуры Бухарина и Рыкова, Рютина и Сырцова, Котова и Угланова, и многих, многих других — при всем моральном значении их сопротивления — не дают реальной альтернативы того глобального масштаба, который соответствовал уровню подступающей катастрофы. Создается впечатление, что общество «социализма в одной стране», замороженное мифом противостояния миру, само

вручило сталинскому режиму мандат на «чрезвычайное управление», то есть на собственную экспроприацию.

Конечно, и противостояние, и внешние угрозы носили вполне объективный характер. Да и само оборонное сознание как традиция культуры не на пустом месте родилось. Но реальный уровень этих угроз сам по себе не в состоянии был обусловить ту степень государственного безумия, маниакального стремления личности и всего общества раствориться в государственной власти, какой мы достигли в 1930—1940-е годы.

И здесь мы подходим к вопросу, ради которого, собственно, и пишется эта статья,— вопросу о принципиальном различии человека российского (не русского по национальности, а россиянина по культуре) от человека западного, да, пожалуй, и от восточного тоже. Одна из доминант российской культуры — это специфическое взаимное отношение человека и власти, общества и государства. Проблема эта для нас — в отличие от Запада — не просто ключевая, центральная, для нас это проблема интимная, глубоко личностная, определяющая жизненную позицию по большинству иных проблем.

Личность у нас не суверенна ни в чем, ей негде укрыться от бесконечных общественных кампаний, от неусыпного глаза нормирующего жизнь государства. Последнее является к нему то в роли начальника на работе, то домоуправа или председателя домкома, коменданта общежития, «агитатора» или милиционера, оно контролирует его отношения с ближними, с Богом, даже с самим собой. (Достаточно вспомнить, что самоубийство, до 1917 года являвшееся уголовным преступлением, с конца 20-х годов стало считаться результатом безумия, а покушавшийся на самоубийство заключался в психиатрическую лечебницу, невзирая на мотивы. Сам термин был исключен из энциклопедий и словарей — какое может быть самоубийство в стране победившего социализма?)

Совершенно закономерно, что в русском языке (и в языках народов общей с нами судьбы) отсутствует понятие *privacy*, т. е. понятие неприкосновен-

ного мира личности, ее нерушимого права распоряжаться собой, ограниченного лишь таким же правом других. Может показаться, что это — филологический изыск, а наша «частная жизнь» — синоним «privacy». Нет, к несчастью, не синоним, ибо нерушимые границы личного достоинства и свободы не зафиксированы у нас юридически и, что самое печальное, почти не осознаются ни обществом, ни самой личностью.

В рабочих общежитиях во многих городах страны (а в них живет несколько миллионов граждан) коменданты не разрешают иметь «лишние» вещи, периодически устраивают «осмотры» комнат. Работницы из Набережных Челнов рассказывали мне, что им не разрешают иметь замки на шкафах или тумбочках, чтобы обыски могли устраиваться в любое время. «Лишние» — по разумению коменданта — вещи выкидываются в коридор. Это — не эксцесс, воспринимается это все как неприятная норма. В армии о замках на тумбочках для личных вещей не может быть и речи — солдат дважды в сутки выворачивает карманы (он не должен иметь ничего сверх зафиксированного в уставах набора вещей). Но и этого мало: контроль над поведением и поступками кажется уже недостаточным, и недавно военкоматы начали собирать о призывниках сведения типа «допускал ли высказывания религиозного характера?» Тотальный контроль, «социализация дотла», школа конформизма — вот функция всего строя армейской жизни. Увы, — не только армейской...

Мы покорно пишем в анкетах ответы на уйму вопросов, которые совершенно не касаются чиновников-кадровиков (например, до недавнего времени требовалось указывать, где похоронены родители, были ли родственники на оккупированной территории во время войны и пр.). Нас это не возмущает, это — норма, норма отношений человека с государством.

От колыбели до могилы россиянин живет под властью, она пронизывает всю его жизнь, и так продолжалось веками... Это может показаться преувеличением, но вспомним, как при помо-

щи кнута и пушек (!) внедрялся картофель в России, как внедрялось (опять-таки при помощи кнута) брдобритие, как **обязывали** крестьян при Петре сеять лен и коноплю, а потом **заставляли** выделывать ненужный им широкий холст — и многое, многое другое. Почти каждый шаг нашего просвещения и прогресса сопровождался усилением или видоизменением несвободы: первые мануфактуры — крепостные, первые театры — крепостные. И при этом главным субъектом любых перемен оказывается государственная власть. Реформ не добиваются снизу — они падают сверху, их принимают как благодать, игнорируют, либо учатся обходить, но они всегда нечто климатическое, не зависящее от человека. Инвариантным остается лишь одно — уникальная по всеохватности роль государственной власти в нашей истории и культуре. И это — не только в минувшем: перестройка ведь тоже началась совсем не под напором снизу.

Надежды на преобразующую роль государственной власти, равно свойственные и «революционеру на троне» Петру I, и революционеру в мундире П. Пестелю, и революционеру-заговорщику П. Ткачеву, понятны: масштабы исторических задач громадны, а опереться практически не на кого. Одни классы общества слабо оформлены и изначально связаны с государством, отчасти даже **созданы** им (дворянство), другие — пассивны, распылены по общинам, живущим «в себе», и имеют лишь один способ участия в общенациональной жизни — через то же государство, устойчивых политических партий российская традиция не знает, сама общественная ткань вне государственного корсета распыляется как «калужское тесто» (любимое выражение историков «государственной школы»).

«Автоматизм» естественно-исторического процесса не устраивает ни реформаторов, ни революционеров: ведь чем дальше планируется «большой скачок», чем круче преобразования, тем большая нужна концентрация власти. И сам императив преобразований является каждый раз как бы извне национального социума: в облике внешней угрозы, реальной или мнимой, вынуждаю-

щей «догнать или подчиниться», утвердиться на равных — либо стать зависимыми. Великие бедствия, обрушивающиеся извне, ужасные войны, оставшиеся в нашей исторической памяти (то, чего мы не можем забыть, даже если бы очень захотели, американцы, не смогут, наверное, и вообразить) породили явление, которое можно было бы охарактеризовать как культ национальной безопасности или «комплекс 1941 года».

Кровавый кошмар нашествий, ставивших под вопрос само существование народа, сделал приемлемой для национального сознания любую цену внешней безопасности. В том числе — и цену личных и гражданских свобод, цену суверенитета общества. «Когда вопрос стоит о выживании, приходится многим жертвовать...»

Однако были ли эти жертвы добродельными?!

Можно ли пожертвовать личными свободами, не отказавшись одновременно и от гражданского достоинства? И, наконец, может ли выжить сама личность отказавшись от достоинства, а культура — расцветать без личности?

Принято считать что ограничение личных свобод в поведенческой сфере обратили русскую культуру к «росту вовнутрь», воспарениям к вершинам духовности. Однако внутренняя независимость не может не искать выхода в жизнь. Невозможно представить себе Пушкина без стремления разделить свой внутренний мир с окружающими. Без минимума личной независимости, без «двух непоротых поколений» не было бы и самого Пушкина. Но стеснение личной свободы не проходит даром ни для кого: несвобода внешняя прорастает несвободой внутренней, а та ищет компенсации в соборном величии — национальном, государственном, имперском.

Что толкало Пушкина к написанию «Бородинской годовщины», что заставляло радоваться взятию Варшавы? «Поэт империи и свободы» смог удивительно органично соединить в себе преклонение перед Медным всадником — и страдание к попираемому им человеку. Эта органичность не могла сохраняться долго: искушение власти противостояло индивидуальности все больше и больше.

Не в силах отринуть либо игнорировать ни одно из этих начал, в их внутренней полемике искали предназначенье человека Достоевский и Толстой. Однако сами эти начала остались полюсами русской культуры, сама их выделенность, драматизм взаимопереплетения и противостояния стали едва ли не главными ее отличительными чертами.

И все же в массовом сознании волны культа власти оказывались длиннее, мощнее, глубже. Личностное начало уходило на периферию общественной жизни. И поскольку культура — это «все во всем», то наше «имперское сознание» как-то незаметно, но очень органично переплавляет культ национальной безопасности — в культ госбезопасности, а «комплекс 1941 года» — в уверенность, что ради безопасности своих границ можно и даже необходимо держать сотни тысяч молодых здоровых ребят в чужих пределах, даже если это не очень нравится их обитателям.

Когда двадцать лет назад тысячи наших людей, совершенно не искушенных ни в политике, ни просто в жизни, повиновшись властному, но невразумительно обоснованному приказу, пересекли границы Чехословакии (которую их с детства приучали считать другом и союзником), то главным аргументом политработников, пытавшихся восстановить давшую течь идеологическую герметичность, убить самую возможность сомнений в справедливости приказанного, был даже не пресловутый тезис о «защите социализма», а нечто гораздо более действенное: «если не мы — то они». Ребятам из первого эшелона говорили, что уже под Прагой они могут столкнуться с западногерманскими и американскими танками. Как вспоминают участники той акции, этот аргумент действовал безотказно. Увы, не только в армии. И не только тогда, двадцать лет назад.

Раз за разом, с убийственной повторяемостью навязчивая мания оборонного сознания — образ осажденной крепости — парализует нашу способность мыслить, сомневаться, искать альтернативные решения. Такое впечатление, что призрак всеобщего заговора, противостояния целому миру (а это оборотная

сторона имперской в сущности идеи нашей исторической избранности) ведет нас, как гаммельнский крысолов, в пучину трагических ошибок — нравственных, политических, военных, тех ошибок, которые сегодня, пожалуй, страшнее иных преступлений...

Прошло немногим более десяти лет, и вот уже молодой «дембель» в купе вагона дальнего следования, прихлебывая чай, спокойно объясняет мне «про Афган», что «если бы не мы, то они», а значит, значит —

«Наш паровоз вперед лети,
В Кабуле остановка,
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка».

Так напевали мои сверстники в начале 80-х годов, облекая свой поколенческий горький фольклор в форму легендарной песни времен гражданской войны.

Конечно, историческая судьба, расклад мировых сил многое определяют. Геополитика подчас жестко диктует великой державе малоприятные шаги (здесь мы с американцами, увы, квиты), массовое сознание готово оправдать любые действия своей власти, если только они взывают к национальной безопасности (в этом мы тоже не исключение). Но как бледнеет в нашем сознании значение человеческой жизни перед любым абсурдом, если на нем лежит отблеск государственного величия! Куда девалась наша всечеловечность, когда речь зашла о злополучном «боюн-ге»? Почему семь лет молчали о потерях в афганской войне, о пленных? О погибших с той стороны, которых сначала называли басмачами, бандитами, а теперь уважительно — «вооруженной оппозицией»?..

Культе государственной власти пережил сталинское государство (как пережил до того империю Романовых) и благополучно перешел по наследству как к современным «этакратам», так и к вполне либеральным реформаторам. Если первое вполне естественно, то второе обнажает парадокс отечественной политической культуры. Слышны уже призывы образовать «чрезвычайные комиссии по борьбе с врагами перестройки». (Вспоминаются бессмертные градоначальники города Глухова: «при введении просвещения по возможности избегать кровопролития»). Читательская почта газет полна предложения создать для решения той или иной проблемы новый госкомитет или министерство (что и делается время от времени).

Что же это за рок такой, если даже вполне свободомыслящие либералы (которые уж должны бы знать, что «чрезвычайные комиссии» развиваются по своей логике, становясь со временем вовсе не тем, для чего их создавали), даже они готовы еще раз ухиваться за палку централизованной власти? Здесь не политические манипуляции (по крайней мере — не только они), здесь действуют куда более мощные механизмы, заложенные, увы, в самой нашей культуре! И пока эти механизмы не демонтированы, ни общественность, ни тем более интеллигенция, не вправе забывать о потенциальной угрозе, исходящей от бесчеловечной магии «оборонного сознания» — проклятья российской культуры. Вот почему ни один предостерегающий голос в наших спорах не лишний, — даже одинокая русская речь скептика из Мюнхена.

На второй странице обложки: старт советско-американского Марша мира по США — митинг у Капитолия. Фото А. Стагника.

На третьей странице обложки: американские и советские школьники в комсомольском городке Борис Дзnelагзе (под Тбилиси) у макета боевой ракеты. Фото И. Давиташвили (фотохроника ТАСС).

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

